

Санкт-Петербургский государственный университет

ГАЙВОРОНСКИЙ ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В КАРОЛИНГСКОЙ АННАЛИСТИКЕ 870-880-х ГОДОВ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03 «Всеобщая история»

Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель: д.и.н., проф.,
зав. кафедрой истории средних веков

Прокопьев Андрей Юрьевич

Санкт-Петербург

2016

Часть 1. Аннотация

Работа посвящена проблеме образа правителя в каролингской анналистике 870-880-х годов: Бертинских, Фульдских и Вестаинских анналах. В качестве объекта изучения взяты сообщения этих хроник о ключевых событиях десятилетия: коронации Карла Лысого (843-877 гг.) императорской короной в 875 году и призванием императора Карла Толстого (881-887 гг.) в Западно-франкское королевство в 884 году. Автор доказывает, что в период конфликтов внутри династии Каролингов анналисты, описывая практику действий монархов, тем самым всё же конструировали определённые концепции власти. Создавая образы монархов активных, решительных и способных отстаивать свои права на титулы и земли, авторы хроник не только реагировали на окружавшую их политико-социальную действительность, но и опирались на предшествующую письменную традицию – описания античными историками эпохи гражданских войн в Риме.

Часть 2. Выпускная квалификационная работа «Образ правителя в каролингской анналистике 870-880-х годов»

В Средние века интерес к личностям монархов был обусловлен, прежде всего, их соответствием неким идеальным концепциям власти, будь то принадлежащая Алкуину интерпретация христианской империи или же присущая Эйнхарду ностальгически-античная трактовка личности Карла Великого [4, с. 145-146]. Именно поэтому богатая на события и доблестные деяния история каролингских государей VIII-IX веков спровоцировала бурное развитие в трудах учёных людей Франкской державы темы монархии, образов правителей и цельных концепций власти [1, с. 608, 610].

Каково место в эволюции каролингских представлений о власти портретов монархов второй половины IX века? И правомерно ли вообще говорить о существовании подобных «портретов» в указанный отрезок франкской истории? Ведь заметное ослабление власти каролингских правителей во второй половине IX века должно было повлиять на представление о них в глазах интеллектуальной элиты франкского мира. Известно, что преемники последнего «общефранкского» императора Людовика Благочестивого короли Карл Лысый (843-877 гг.) и Людовик Немецкий (843-876 гг.) в течение своего правления вынуждены были решать куда менее возвышенные задачи, чем их предшественники: поиск компромисса с усиливающейся аристократией и денежных средств для того, чтобы откупиться от норманнов, регулярно вторгавшихся на территорию франкских королевств, стали главными направлениями деятельности внуков Карла Великого¹. Сопровождающая данный исторический контекст скудость повествовательных источников (включая исчезновение в указанный

---

¹ Подробнее см.: Nelson J. Charles the Bald. London, 1992; Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 160-165; Тейс Л. История Франции. С. 28-31; Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 120-121; Schieffer R. Die Karolinger. S. 139-145; Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. P. 379-388; Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 89-92

период прежде столь популярных жанров как королевская биография и «деяния») будто бы вселяет в нас убежденность: реалии второй половины IX века лишили франкских интеллектуалов потребности создавать яркие жизнеописания – за неимением перед их глазами по-настоящему ярких монархов. Следовательно, вопрос о «наличии или отсутствии» образов власти каролингских монархов во второй половине IX века оказался закрыт: их попросту не было. Эта своего рода «историческая иллюзия» обусловила пониженный интерес у историков к образам власти и вообще политической теологии второй половины IX века². Такие исследователи княжеских зеркал и средневекового образа власти в целом, как В. Бергес и Х.Х. Антон, временем складывания и развития каролингского образа власти считали правление первых двух Каролингов, когда, по их мнению, сложился образ христианского государя [18; 17]. Между тем концепция и образ власти и, тем более, образ монарха, существовавшие, пусть и в слабо оформленном состоянии, во второй половине IX века, оказались за пределами внимания исследователей³.

Подобное положение вещей представляется не вполне справедливым, поскольку именно в указанный период рождённые каролингской цивилизацией монархия (хотя и в её уже локальных, западно- и восточно-франкском вариантах) и представления о власти подверглись серьёзным испытаниям в виде внутридинастических столкновений, усиления роли знати в делах королевств и нападений скандинавов. В этих условиях единственными свидетелями деяний франкских государей явились каролингские анналисты. Попыткой увидеть в их скупых сообщениях очертания образа правителя, поставив его в контекст динамики развития каролингской концепции власти, является данная статья. Предметом нашего

---

² Термин «политическая теология» (Politische Teologie) введён немецким историком философом Карлом Шмиттом и активно использовался американско-немецким исследователем Э.Х. Канторовичем [13; 6].

³ Некоторые сведения об отражении во франкской анналистике второй половины IX века образов монархов из династии Каролингов можно найти в диссертационном исследовании А.И. Сидорова [10, с. 25-26].

рассмотрения станут ключевые события 870-880-х годов, а именно, коронация Карла Лысого императорской короной в 875 году и призвание императора Карла III Толстого (881-887 гг.) на царство в Западно-франкское королевство в 884-885 годах, сведения о которых донесли до нас каролингские хроники⁴.

В нашем распоряжении – три крупных источника: Бертинские [14], Фульдские [15] и Вестаинские анналы [16], написанные в разных частях франкского мира⁵.

Анналы Сен-Бертенского монастыря, написанные в королевстве западных франков, и анналы монастыря в Фульде, составленные на в Восточной Франкии, сообщили схожие факты о деятельности королей-братьев – Карла Лысого и Людовика Немецкого в 875 году: за исключением описания борьбы за императорский титул, записи обеих хроник (как и, позднее, в 884-885 гг.) представляют собой типичные для этого жанра записи о перемещениях королей, их совместных со знатью ассамблей и смертях монарших родственников. Однако их авторы придают совершенно разную эмоциональную окраску овладению Карлом Лысым императорской короной, в те годы означавшее обретение верховенства над всеми франкскими землями.

Автор части Бертинских анналов, охватившей 863-882 годы, Хинкмар Реймский, несмотря на очевидный политической успех своего патрона в 875 году, проявил себя как бесстрастный, претендующий, вероятно, на

⁴ Предупреждая возможные замечания о правомерности использования более позднего понятия «хроника» применительно к раннесредневековым анналам, подчеркнём, что данное слово используется исключительно в качестве синонимичного понятию «анналы», дабы не перегружать текст статьи повторами. То же относится и к понятию «летопись».

⁵ Хроника Сент-Бертенского монастыря во Фландрии охватывает 830-882 годы; фрагмент, интересующий нас и включивший записи за 863-883 годы написан известнейшим церковным иерархом того времени – Хинкмаром Реймским (ок. 806-882 гг.) [34, 26]. Фульдские анналы, с 841 года ведшиеся в Майнце и повествующие о событиях 680-901 годов, включают фрагмент за 864-887 гг., написанные монахом Мегинхардом, хорошо образованным книжником, знакомым с античными трудами [24, 29]. Автор же анналов фламандского монастыря святого Вааста (Веста), охвативших 874-900 годы, нам неизвестен [33, 9].

объективность, летописец. Оценка действий Карла Лысого по завоеванию императорской короны у Хинкмара отсутствует в принципе: династические перипетии, связанные со смертью Людовика II и последующей борьбой братьев за титул императора, подробно описываются анналистом из Реймса, но никак им не комментируются. Сама же знаковая (казалось бы) коронация Карла в Риме предстаёт событием весьма заурядным, ничем не выделяющимся на фоне других фактов франкской истории тех лет [14, S. 126-127]. Наиболее вероятное объяснение такой позиции Хинкмара заключается в том, что крупнейший иерарх Западно-франкского королевства не хотел превращения своего короля в союзника и слугу папы римского, что означало бы решение политических задач совсем другого уровня: защиту Апостольского престола от группировок римской аристократии и нападений арабов. Хинкмар же своей политической деятельностью и главным трудом – книгой «О дворцовом порядке» – защищал идею, согласно которой король должен слушаться, прежде всего, епископов, под которым подразумевалось высшее духовенство Западной Франкии [23, p. 23-25]⁶.

Автор записей Фульдских анналов за 875-876 годы монах Мегинхард, в отличие от Хинкмара, весьма конкретен в характеристике действий Карла Лысого: по словам фульдского автора, узнав о смерти императора Людовика, «тиран Галлии» Карл вторгается в Италию с разбоем, собирая сокровища этой земли «в свои когтистые руки» [15, S. 84]. Мегинхард применяет античные нравственные критерии к моральному облику короля западных франков: Карл сребролюбив и, к тому же, не отличается храбростью [15, S. 84-85]. Беззастенчиво грабящий Италию, Карл, опасаясь сражения с Карломаном, подкупает его деньгами и драгоценностями [15, S. 85], но, в итоге, обманывает Карломана и, затем, спешит в Рим [15, S. 85]. Подобная,

---

⁶ Подобная трактовка позиции Хинкмара может встретить следующее замечание: средневековый анналист всегда стремился скрыть свою личность, выступить бесстрастным рассказчиком событий. Однако подобный тезис опровергает риторика другого анналиста, восточнофранкского – Мегинхарда, предложившего совсем другое видение событий 875 года.

по-настоящему яростная риторика Мегинхарда, имела под собой основания: правом на императорский титул обладал не Карл Лысый, а Людовик Немецкий как старший в Каролингском роду, и фульдский анналист на страницах своей хроники решительно встал на сторону своего короля. Таким образом, как и Хинкмар, Мегинхард выразил свою точку зрения на внутридинастический конфликт 875 года. При этом восточнофранкский анналист ярко продемонстрировал новый метод в конструировании образа власти: начиная с сочинений Эйнхарда и Нитхарда [5, с. 109] франкские писатели в создании образа правителя опираются уже не на христианские тексты, а на античную, главным образом римскую литературу эпохи «золотого века» латинского языка, яркими представителями которого были Гай Саллюстий Крисп (86 – 35 или 34 до н.э.) и Корнелий Тацит (ок. 56-117 н.э.)⁷.

В 882 году жизнь выдающегося реймского архиепископа прервалась, как и повествование Бертинских анналов. Наиболее известными анналами в западной части франкского мира стали анналы монастыря Сен-Вааст во Фландрии, в то время как Мегинхард будет продолжать Фульдскую летопись, предположительно, до 888 года. К тому моменту в живых оставалось только два представителя Каролингского рода: 5-летний сын Людовика II Заики (877-879 гг.) Карл и 45-летний Карл III Толстый (император с 881 года, король восточных франков – с 882 года), правивший на франкском востоке. Оставшись без короля, знать Западной Франкии предпочла ребёнку опытного Карла из германских земель. Как восприняла эти события анналистика?

Анналы монастыря Сен-Вааст сообщают в записи за 884 год, что уже само малолетство ещё здравствовавшего правителя, Карломана, подтолкнуло аристократию королевства к общему собранию для обсуждения данного вопроса [16, S. 55]. Однако внезапная гибель короля на охоте, от случайно

---

⁷ Сочинения этих историков, которые могли в наибольшей степени повлиять на каролингских авторов, это «Югуртинская война» [31] и «О заговоре Катилины» [20] Саллюстия и «Анналы Тацита» [21].

нанесённой его спутником Бертольдом раны во время схватки с вепрем, вынудила магнатов послать графа Теодориха в Италию за императором Карлом «для того, чтобы тот прибыл во Франкию» [16, S. 55]. После прибытия Карла в Понтъон его власти подчиняются «все, кто были в королевстве Карломана», то есть, очевидно, тот самый нобилитет, призвавший Карла [16, S. 55].

Мегинхард же, парадоксальным образом, не упомянул ни о призвании Карла знатью, ни о его прибытии, ни о присяге нобилей новому правителю [15, S. 101-104]. Лишь яркий рассказ о гибели короля Карломана на охоте [15, S. 101-104], может подвести читателя к догадке, что в Западной Франкии сменился правитель. По сравнению с полемическим задором 875 года Мегинхард сух и лаконичен, и только в неизменном подражании античным текстам узнаётся его собственный стиль. О неудачах и нерасторопности императора Мегинхард не говорит вовсе: против норманнов, являющихся главными действующими лицами интересующего нас фрагмента, сражается либо Хаймрих [15, S. 103], либо весьма абстрактные фризы [15, S. 103]. Сам монарх занят сугубо внутренними делами и налаживанием отношений с папством, поэтому вообще не фигурирует как участник войн с данами [15, S. 103-104]. Вероятно, Мегинхарда угнетала безынициативность его патрона, поэтому ученый монах решил вовсе опустить все неприятные моменты, о которых, впрочем, не забыл автор Ведастинской хроники.

Подводя итоги анализу анналистики 70-80-х годов IX столетия, становится очевидным, что различное восприятие авторами хроник фигуры Карла Лысого и получения им императорской короны в 875 году имеет причину не только в том, в какой области франкской ойкумены были написаны те или иные анналы. Конечно, Мегинхарду, писавшему свою хронику в одном из главных духовных центров Восточно-франкского королевства – Майнце - была куда ближе фигура правителя этой земли Людовика Немецкого, чем далёкого Карла. Но и собственные взгляды

анналистов на судьбу франкских королевств оказывали значительное влияние на содержание погодных записей: пример тому – реакция Хинкмара, а, точнее, её отсутствие - на имперскую коронацию Карла Лысого. Защищаемая реймским архиепископом политическая концепция представляла франкского монарха смиренным слугой церкви, но не римской, а галло-франкской; если быть точным, слугой не римского папы, а западно-франкского епископата. Между тем Мегинхард, выражавший в Фульдских анналах официальную позицию восточной ветви и поддерживавшей её части церковного сообщества франкских земель, настаивал на исключительном праве своего господина Людовика Немецкого на императорскую корону.

В этих условиях отсутствия согласия между каролингскими династиями и, как следствие, соперничества внутри Каролингского дома, стала невозможной концепция христианской империи и прославления идеального христианского монарха, господствовавшая в эпоху Карла Великого и Людовика Благочестивого. В эпоху, когда, во главу угла встали интересы королей, правивших отдельными осколками империи Карла Великого, франкским писателями потребовалось создать соответствующий образ правителя. Создать образ целеустремлённого, способного выходить из сложных династических ситуаций и умевшего проявить букет античных доблестей монарха, можно было с помощью приёмов римской литературы, с которой франкские анналисты были хорошо знакомы. Античная риторика с её моралистским критицизмом, образцом которой для средневекового книжника всегда был Саллюстий, стала основой того образа правителя, которой предложили франкские анналисты и, прежде всего, Мегинхард в 870-80-х годах⁸.

---

⁸ Подчеркнём, что фульдский книжник не являлся первопроходцем на этом поприще: смена приёмов конструирования образа монарха происходит уже в конце 830-х – начале 840-е годов, когда Эйнхард создаёт портрет Карла как римского цезаря [5, с. 109], а автор «4-х книг историй» Нитхард осмысливает противостояние между Карлом Лысым и Людовиком Немецким с одной стороны и Лотарем I с другой в античных категориях: по аналогии с борьбой Цезаря и Катона против Катилины [5, с. 109-110; 3, с. 47-51].

Однако эрудиция франкских анналистов не могла скрыть неспособность Каролингов разрешить сложные внутренние и внешние проблемы, давшие о себе знать со времён междоусобиц 830-х годов. Именно эта неспособность породила тенденцию к *десакрализации* власти Каролингов – потерей ими священного ореола в глазах элиты. Отражением этого стала лаконичность анналистов 880-х годов: на смену яркой риторике пришло разочарование. И это неудивительно: вслед за Верденским разделом Империи в 843 году последовал 877 – год смерти Карла Лысого - когда вновь, казалось бы, обретенное единство рассыпалось, как карточный домик. Можно предположить, что это стало в глазах интеллектуальной элиты неким рубежом, итогом предшествующего распада единой империи. Политическое фиаско королевской власти делало все более невозможными ее апологию и вообще какое-либо концептуальное обоснование универсалистских притязаний Каролингской династии.

Тем не менее, перед исследователем встаёт закономерный вопрос: какое место вторая половина IX века занимает в эволюции «монархической этики»⁹ каролингской эпохи? Правомерно ли вообще говорить о существовании идеала государя в критические для династии 70-80-е годы IX столетия?

Ещё Ж. Флори убедительно доказал: как идея «божьего мира» времён клюнийской реформы, так и рыцарская идеология Высокого Средневековья явились результатом распада на части, своего рода «расщепления» монархического идеала времён Каролингов [12, с. 86-161]. Таким образом, происхождение идеологии рыцарства из каролингской концепции власти позволяет искать истоки поведенческих нормативов средневекового дворянства в каролингской монархической этике. О.Г. Эксле выделил две основополагающих черты ценностного императива дворянства эпохи Средних веков и раннего Нового времени: «благородство» (*nobilitas*) и

---

⁹ Данный термин носит условный характер, обозначая всю совокупность представлений об идеальном правителе, сложившихся в конце VIII-IX веках.

«личная доблесть» (*honor* или *virtus*) [28, S. 21-24]. Включал ли образ идеального монарха эпохи Каролингов подобные черты? Безусловно, аналогом благородства для представителя фамилии потомков Карла Великого являлась их принадлежности к *domini naturales*, династии «природных», «законных» государей, чье право на трон освящено Богом [8, с. 90]. И до 887 года, когда в Западной Франкции был смещён с трона Карл Толстый и избран представитель дома Робертинов Эд Парижский (888-898 гг.) легитимность *domini naturales* ни у кого не вызывала сомнений [2]. Прототипом же будущей монаршей и дворянской доблести являлась у Каролингов вся совокупность их обязанностей по отношению к церкви и христианскому народу, сформулированная ещё идеологами христианской империи Карла Великого и Людовика Благочестивого [1, с. 608-609].

Проведённый нами разбор анналистики 870-880-х годов доказал, что именно второй аспект власти каролингских монархов – практика действий, *vita activa* – стал определяющим в оценке действий монарха и формировании их облика франкскими авторами. Однако, в отличие от всемогущего христианского императора рубежа VIII-IX веков, идеалом каролингских авторов второй половины IX века стал сильный, напористый, и, одновременно, гибкий, но неизменно деятельный правитель, способный отнюдь не реализовать, как прежде, модель христианского монарха, а удержать власть в бесконечном противостоянии с представителями других ветвей династии, возвышающейся аристократией и внешней угрозой.

Поэтому нужно признать, что явные неудачи правителей этого периода не означали, что их образы не получают отражения в литературе. Не получив воплощения в композиционно целостных трудах, подобных опусам Эйнхарда, Тегана и Астронома, не став предметом «имагинарных»¹⁰ построений, образы, пусть и смутные, ключевых представители

¹⁰ История «имагинарного» по Ж. Ле Гоффу - это «история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям, ибо они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью» [7, с. 9].

Каролингского дома последней трети IX века – Карл Лысого и Карла Толстого – распознаются в их стремлениях и действиях, навсегда запечатлённых анналистикой, опиравшейся на мощные традиции литературы «каролингского возрождения». И за этими образами угадывается непростая политическая, социальная и культурная реальность второй половины IX века, из которой рождалось средневековое общество со всеми его отличительными особенностями.

Источники и литература

1. Гайворонский И.Д. К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). М.: Молодой ученый, 2013. С. 608–612.
2. Гайворонский И.Д. Незамеченное объединение Империи? Каролингские хроники о призвании Карла Толстого в Западно-франкское королевство // Проблемы истории и культуры средневекового общества: тезисы докладов XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: КультИнформПресс, 2015 (в печати).
3. Гайворонский И.Д. Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). М., 2013. С. 47–51.
4. Гайворонский И.Д. Христианская монархия первых Каролингов в трудах ее идеологов и политическая реальность // Проблемы истории и культуры средневекового общества: тезисы докладов XXIX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: КультИнформПресс, 2010. С. 144–147.
5. Гайворонский И.Д. Эволюция образа Карла Великого в литературе «каролингского возрождения» и ее истоки // Научная перспектива. 2013. № 5 (39). Уфа: Инфинити, 2013. С. 108–110.
6. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. 752 с.
7. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков / Пер. с фр. Д. Савосина. М.: Текст, 2012. 220 с.
8. Сидоров А.И. Ближний круг франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам

- «Хроники» Нитхарда) // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики. Сборник статей. М.: В. Секачев, 2000. С. 80-102.
9. Сидоров А.И. Ведастинские анналы // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/09/1/historiki2.htm# 1 1 1> (дата обращения: 26.03.2015).
  10. Сидоров А.И. Историческая мысль и знания о прошлом в каролингской Европе (вторая половина VIII – начало X в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. М.: ИВИ РАН, 2011. 46 с.
  11. Тейс Л. История Франции / Пер. с фр. Т.А. Чесноковой. Т. 2. М.: Скарабей, 1993. 272 с.
  12. Флори Ж. Идеология меча / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 1999. 320 с.
  13. Шмитт К. Политическая теология / Пер. с нем. А. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
  14. *Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 1-154.*
  15. *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Althahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. 1-138.*
  16. *Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. 40-82.*
  17. Anton H.H. *Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 504 s.*

18. Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart: Hiersemann, 1992. 364 s.
19. Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger 714–911. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2011. 160 s.
20. C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut. München, 1969. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015).
21. Cornelius Tacitus. Annales ab excessu divi Augusti / Ed. C.D. Fisher. Oxford: Clarendon Press, 1906. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi1351.phi005> (дата обращения: 26.03.2015).
22. Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. N.-Y.: Cambridge University Press, 2011. 528 p.
23. Hincmar. De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // Bibliothèque de l'école des hautes études. P.: F. Wieweg, libraire-éditeur, 1885. P. 2-97.
24. Kurze F. Praefatio // Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Althensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. V-XIII.
25. Nelson J. Charles the Bald. London: Routledge, 1992. 364 p.
26. Nelson J. The Annals of St. Bertin. Manchester: Manchester University Press, 1991. P. 7-19.
27. Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 110–141.

28. Oexle O.G. Aspekte der Geschichte des Adels im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // Wehler H.U. 1990. Europäischer Adel 1750-1950. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. S. 21-24.
29. Reuter T. The Annals of Fulda // Manchester Medieval series. Ninth-Century Histories. V. II. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 1-14.
30. Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris: Fayard/Plurel, 2012. 496 p.
31. Sallust. The Jugurthine War / Rev. M.A. John Selby Watson. New York; London: Harper & Brothers, 1899. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi0631.phi002> (дата обращения: 26.03.2015).
32. Schieffer R. Die Karolinger. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 266 S.
33. Simson B. Praefatio. II. Annales vedastini // Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. VIII–XVI.
34. Waitz G. Prefatio // Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. V-X.